

УДК 94(476)«1772/1801»

Юрий Леонидович Ковшик

аспирант 3-го года обучения каф. истории Беларуси и славянских народов
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

Yurii Kovshik

3rd Year Post-Graduate Student of the Department of History of Belarus and Slavic Peoples
of Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

e-mail: u.kovshik@gmail.com

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЦЕНЗОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ДВОРЯНСТВА БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (1772–1801 гг.)

Исследуется генезис и эволюция системы цензовых ограничений избирательных прав дворянства белорусских губерний в 1772–1801 гг. Нижняя хронологическая граница обусловлена началом вхождения белорусских земель в состав Российской империи в результате первого раздела Речи Посполитой, верхняя – окончанием правления Павла I, внесшего существенные изменения в порядок проведения дворянских выборов на территории Беларуси. Специфика белорусских земель, вызванная наличием собственных институционально-правовых традиций, привела к выработке специальных ограничений активного и пассивного избирательного права местной шляхты. В период правления Екатерины II избирательные цензы были одним из инструментов планомерной интеграции белорусского дворянства в российскую общественно-политическую систему. Созданная таким образом система избирательных барьеров отразила всю сложность и многомерность интеграционных процессов. Она отличалась неустойчивостью и сочетанием ужесточений (репутационный, имущественный цензы) с послаблениями (служебный ценз) избирательных ограничений. При Павле I разработка избирательных цензов была подчинена общему внутриполитическому курсу в отношении западных губерний – восстановлению судебной-правовой системы времен ВКЛ и Речи Посполитой. Результатом этой политики стали наиболее либеральные правила предоставления избирательных прав местной шляхте.

Ключевые слова: российское правительство, дворянские выборы, избирательные цензы, активное избирательное право, пассивное избирательное право, местное управление, белорусские губернии.

The Policy of the Russian Government in the Sphere of Censorship Restrictions on Active and Passive Suffrage of the Nobility of the Belarusian Provinces (1772–1801)

The genesis and evolution of the system of price restrictions of the electoral rights of the nobility of the Belarusian provinces in 1772–1801 is investigated. The lower chronological border is due to the beginning of the entry of the Belarusian lands into the Russian Empire as a result of the first partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the upper one is due to the end of the reign of Paul I, who made significant changes to the procedure for holding noble elections on the territory of Belarus. The specifics of the Belarusian lands, caused by the presence of their own institutional and legal traditions, led to the development of special restrictions on the active and passive suffrage of the local gentry. During the reign of Catherine II, electoral qualifications were one of the tools for the systematic integration of the Belarusian nobility into the Russian socio-political system. The system of electoral barriers created in this way reflected the complexity and multidimensionality of integration processes. It was characterized by instability and a combination of tightening (reputational, property qualifications) with relaxation (service qualification) of electoral restrictions. Under Paul I, the development of electoral qualifications was subordinated to the general internal political course in relation to the western provinces – the restoration of the judicial and legal system of the times of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The result of this policy in the context of the problem under consideration was the most liberal rules for granting voting rights to local gentry.

Key words: russian government, noble elections, electoral qualifications, active suffrage, passive suffrage, local government, belarusian provinces.

Научный руководитель – Анатолий Павлович Житко, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и славянских народов Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

Введение

За время существования дворянской корпоративной организации и системы комплектования местных учреждений выборными от дворянства чиновниками не терял своей актуальности вопрос о проце-

дуре проведения дворянских избирательных собраний. Это была проблема доверия центрального правительства к местным дворянским обществам, на которые с конца XVIII в. была возложена задача замещения должностей в местных органах управления и суда, особенно на уездном уровне. Единственным средством регулирования состава избирателей была закреплённая в законодательстве система цензов или условий допуска дворян к реализации избирательных прав на дворянских собраниях. Ограничивая или расширяя пассивное и активное избирательное право, законодатели преследовали три цели: во-первых, обеспечить доступ к местному управлению подготовленных и политически благонадежных лиц, знающих проблемы и особенности своего края (функция «электорального фильтра»); во-вторых, лишить рычагов влияния на местное управление нелояльных и враждебных самодержавию лиц (функция поддержки общественно-политической стабильности); в-третьих, не допустить кадрового «голода» при замещении выборных от дворянства должностей в правительственных учреждениях и судебной системе.

Актуальность данной проблемы подтверждается также ее недостаточной разработкой в отечественной историографии. Вопросы, связанные с организацией и проведением дворянских выборов на территории Беларуси в последней четверти XVIII – первой половине XIX в., в т. ч. касающиеся цензовых ограничений, разрабатывались Е. К. Анищенко [1; 2], С. М. Токтем [3; 4], С. Л. Луговцовой [5; 6], Е. В. Шилов [7]. Однако комплексное изучение политики российского правительства по выработке и применению избирательных барьеров на дворянских собраниях Беларуси в 1772–1862 гг. с выделением ее этапов и присутствующих каждому из них особенностей, раскрытие всего спектра использовавшихся цензовых ограничений в отечественной историографии отсутствуют.

Цель статьи – раскрыть политику российского правительства в сфере цензовых ограничений активного и пассивного избирательного права дворянства белорусских губерний в 1772–1801 гг.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

1) выявить особенности системы цензовых ограничений, применявшихся на дворянских избирательных собраниях Беларуси в 1772–1796 гг.;

2) раскрыть изменения в системе избирательных барьеров в период правления Павла I;

3) определить внутренние и внешние факторы политики российского правительства, влиявшие на регламентацию избирательных прав дворянства белорусских губерний в 1772–1801 гг.

Система цензовых ограничений активного и пассивного избирательного права дворянства белорусских губерний (1772–1796 гг.)

Одновременно с организацией в Российской империи дворянских корпоративных институтов были выработаны и условия формирования их кадрового состава. 14 декабря 1766 г. был издан указ «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового уложения и о выборе в оную депутатов» [8], который предусматривал создание четырех временных дворянских институтов: уездных дворянских собраний, уездных предводителей дворянства, дворянских депутатов, составителей наказов и прошений депутатам от избирателей. Активным избирательным правом, согласно закону, обладали дворяне, владевшие на правах полной (вотчинной) собственности именьями или деревнями в уездах, где проводились выборы. Следовательно, единственным критерием допуска на дворянские собрания было владение недвижимостью и крепостными. Конкретный размер земельной собственности или дохода от нее не уточнялись. Имущественный ценз не был безусловен, предусматривались исключения. Право голоса имели опекуны имений малолетних и иных дворян, а также смотрители имений. В законе не уточнялось, имели ли данные лица право быть избранными на должности. Вероятнее всего, нет, т. к. они представляли интересы других дворян, которые по тем или иным причинам (малолетство, недееспособность, болезнь, старость, временное отсутствие) не могли лично присутствовать на дворянском собрании. Хотя в указе не был прописан минимально допустимый возраст для получения права голоса, по более поздним российским законам

полноправное владение недвижимым имуществом наступало с 21 года.

Прямое участие в голосовании запрещалось женщинам. Если они соответствовали всем вышеперечисленным критериям, то они имели право заранее прислать в установленный для выборов город письменное «объявление», в котором они либо указывали человека, за которого голосуют, либо заявляли о поддержке итогового выбора большинства дворян. Таким образом, имело место гендерно-процедурное ограничение: женщины-дворянки не лишались права голоса, но реализация данного права ограничивалась конкретной процедурой.

Пассивное избирательное право было обставлено бóльшим количеством цензов. Наряду с упомянутым ранее имущественным цензом, устанавливался минимально допустимый возраст для замещения должностей предводителей дворянства и дворянских депутатов – 30 и 25 лет соответственно. На должности предводителей дворянства избирались исключительно дворяне, лично присутствовавшие на дворянских собраниях и прибывшие туда без опоздания. Дворянскими депутатами, напротив, могли стать лица, не прибывшие на дворянские собрания, но приславшие заранее письменные «объявления» о своем голосе. Обязательным было лишь их нахождение в пределах государства. Следовательно, вводилась процедура заочного голосования и избрания.

Был предусмотрен репутационный (морально-нравственный) ценз, в соответствии с которым кандидат на упомянутые должности не должен был быть объектом штрафов, подозрений, порицаний, а также должен иметь честное и непредосудительное поведение. Это означало, что человек, который претендовал на занятие выборной должности, должен был быть «добрый, не пьяница, в домостроительстве своем не ленивый, не клеветник, не сварлив, не любодейца, не бийца, в воровстве и обманах не избалованный, добронравен и поведения честного». При определении «честности» имел значение и образ мыслей, т. е. приверженность существующему строю. Так, навсегда лишались избирательных прав лица, которые были уличены в «содействии мятежу и иным государственным преступлениям» [9, с. 18].

Дворянские собрания 1766 г. были законодательным образцом работы всех последующих дворянских собраний. Указ 1766 г. во многом был путеводным при дальнейшей разработке организации дворянских корпоративных учреждений, включая условия, определявшие их состав.

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. царское правительство начало проводить политику унификации местного управления белорусских земель с внутрирусскими губерниями. 16 января 1773 г. Екатерина II утвердила доклад белорусского генерал-губернатора графа З. Г. Чернышева «О дозволении жителям белорусских губерний выбрать депутатов к сочинению проекта нового Уложения» [10]. С 8 января 1773 г. на территории Могилевской и белорусских провинций Псковской губерний учреждались выборные от дворянства губернские и провинциальные земские суды [11]. Порядок выборов был определен в соответствии с указом от 14 декабря 1766 г., но с наличием дополнительных избирательных ограничений. Во-первых, в выборах имели право участвовать только дворяне, принесшие присягу на верность российскому престолу (присяга на верность была аналогом получения гражданства). Во-вторых, имела место не характерная для русских губерний форма имущественного ценза. Активным избирательным правом наделялись дворяне, имевшие не менее 10 ревизских душ в наследственном владении, пассивным – дворяне, имевшие не менее 20 ревизских душ в наследственном владении. Это было связано с непропорционально большим (по российским меркам) количеством малоземельной и безземельной шляхты на вновь присоединенных территориях, благородство которой вызывало сомнение у царского правительства. На основании присяжных листов З. Г. Чернышев составил ведомость и 1 июня 1773 г. представил ее императрице. Согласно этой ведомости дворян, принесших присягу на верность Екатерине II, в Могилевской губернии насчитывалось 3 727 человек, в белорусских провинциях Псковской губернии – 1 799 [12, с. 77].

По ведомостям, представленным Чернышевым в начале 1774 г., в Могилевской губернии насчитывалось 362 помещика, которым принадлежало 52 местечка (21 055 ревизских душ), 3 685 деревень (166 073 ре-

визских души). В белорусских провинциях Псковской губернии было 590 человек, которым принадлежало 6 местечек (1 924 ревизских души), 7 083 деревни (147 862 ревизских души) [12, с. 78]. Поэтому дворяне, удовлетворяющие условиям получения избирательного права, в 1774 г. в Могилевской губернии составляли 9 % от общего количества высшего сословия, а в белорусских провинциях Псковской губернии – 32 %. Польский исследователь И. Сикорска-Кулежа допускает, что в начале XIX в. мелкая шляхта без крепостных крестьян составляла минимум 3/4 высшего сословия белорусско-литовских губерний [13, с. 10].

Таким образом, с самого начала создания в белорусских губерниях выборных от дворянства учреждений по российскому образцу имели место специфические условия их комплектования. Впервые был введен имущественный ценз, определявший минимально допустимое количество ревизских душ для получения активного и пассивного избирательного права. Данная разновидность имущественного ценза после издания «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» была распространена на все губернии Российской империи. Еще при составлении «Жалованной грамоты дворянству» один из главных советников Екатерины II граф Я. Е. Сиверс настаивал на необходимости включения в грамоту положения об имущественном цензе в размере 20 ревизских душ для получения пассивного избирательного права. Сам Я. Е. Сиверс, будучи Новгородским и Тверским генерал-губернатором, ввел у себя данный имущественный ценз, используя пример белорусских губерний [14, с. 556]. В итоге в грамоту вошло предложение графа, но в виде доходного ценза. Пассивным избирательным правом, согласно грамоте, обладали дворяне, получавшие не менее 100 руб. годового дохода со своих деревень. Чтобы иметь доход в 100 руб. в конце XVIII в. необходимо было владеть, по крайней мере, 20 крепостными мужского пола, поскольку средний оброк с души в год в 1780-е гг. составлял примерно 5 руб. [15, с. 284]. Стоит, однако, отметить, что в 1781 г. Новороссийский генерал-губернатор Г. А. Потемкин, имея на руках проект «Жалованной грамо-

ты», утверждал, что 20 крепостных крестьян не могли дать годового дохода в 100 руб. [16].

17 сентября 1775 г. вышел указ Сената, адресованный губернаторам Российской империи, по которому должности частных смотрителей следовало замещать на дворянских избирательных собраниях [17]. Были предусмотрены два условия избрания на данные должности: проживание в пределах тех селений, в смотрители которых дворянин избирался (ценз оседлости), и соответствие кандидата возлагаемым на частного смотрителя обязанностям. Должности частных смотрителей были учреждены в Российской империи в 1771 г. в связи с эпидемией моровой язвы. Первоначально они назначались уездным начальством и предводителями дворянства из числа местных дворян [18]. Каждому частному смотрителю передавалась под надзор «часть», состоявшая из нескольких населенных пунктов и прилегавшей к ним территории.

После окончания эпидемии на смотрителей были возложены другие административно-полицейские функции, например, «борьба с разбоем» [19, с. 5]. Эти должности носили временный характер, и по мере введения института земских исправников их функции передавались последним. Именно в связи с выборами частных смотрителей в российском законодательстве был впервые введен ценз оседлости как условие, позволявшее избранным на данные должности оперативно решать сложные задачи по предотвращению распространения в уездах заболевания и беспорядков. Что касается уездных предводителей дворянства, на которых также возлагалась обязанность содействовать борьбе с эпидемией в регионах, то по правилам 1766 г. кандидат на этот пост не был обязан проживать в пределах уезда, по которому он баллотировался, – достаточно было иметь в уезде недвижимость.

Следующий этап организации дворянских корпоративных учреждений проходил в русле общегосударственной реформы системы местного управления и суда 1775 г. В «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. упомянуты следующие виды избирательных барьеров: моральный ценз, ценз оседлости, сословный ценз [20]. Лица, избираемые дворянством на должности в местном

управлении, «буде за ними нет явного порока» (ст. 65–67, 72–73, 75–76), утверждались губернаторами. Активное избирательное право, согласно закону, принадлежало только тем дворянам, которые проживали в пределах уезда, являвшегося зоной юрисдикции судебно-административных учреждений, подлежащих наполнению выборными служащими. Пассивное избирательное право имели дворяне, проживавшие в соответствующем уезде или внесенные в губернские дворянские списки, но не находившиеся по должностным обязанностям за пределами уезда (ст. 166). Положение о губернских дворянских списках стало продолжением установленного в связи с выборами в Уложенную комиссию в 1766 г. правила о составлении воеводами «рописей» всех дворян, проживавших в уезде, для определения состава будущих уездных дворянских собраний. Спустя 10 лет дворянские списки были преобразованы в губернские дворянские родословные книги.

С 25 ноября 1778 г. стало действовать правило, по которому лицо, ранее служившее по дворянским выборам, не могло быть избрано на должность, которой был присвоен чин ниже, чем чин должности, занимаемой им прежде [21]. Так, например, если дворянин прослужил в должности заседателя нижнего земского суда, за которой был закреплен чин титулярного советника (IX класс), то он в будущем уже не мог избираться на должность, которым присваивались чины с XIV по X классы. Это правило сужало диапазон замещаемых должностей для прежде служивших по выборам дворян и таким образом ограничивало пассивное избирательное право. Однако это нововведение широко приветствовалось самими дворянами, т. к. коррелировало с распространенным в российском обществе явлением – чинопочитанием.

Указом от 25 ноября 1778 г. был решен спорный вопрос о возможности быть избранным одному дворянину на две и более должности. Если такая ситуация возникала, то сам дворянин решал, какую должность ему в итоге занять [21]. Таким образом, в законодательстве о дворянских выборах вводился ценз несовместимости двух и более выборных от дворянства должностей в одном лице. Относительно совмещения выборной должности с правительст-

венной исключение было сделано только для одного института дворянского самоуправления – губернского предводителя дворянства. С 26 февраля 1786 г. разрешалось совмещение должности губернского предводителя дворянства с административными должностями: «Ничто не препятствует принять должность губернского предводителя дворянства председателю палаты или другому должному имеющему в губернии, исключая только, что сие звание не может быть свойственно в той губернии генерал-губернатору или губернатору» [22]. Причиной выхода указа стало большое количество функций, возложенных на предводителей дворянства в системе местного управления, и связанный с этим синтез правительственной и выборной службы в одном лице. Уездные предводители дворянства также дополнительно могли занимать другие должности в учреждениях уезда, например, членов провинциальных земских судов или уездных судей [23; 24].

Среди всех должностей, подлежащих замещению на дворянских выборах, должность губернского предводителя дворянства как руководителя губернского дворянского общества имела ряд особенностей, включая процедуру избрания на этот пост. В 1781 г. был утвержден «Обряд при выборе новых судей в белорусских наместничествах», согласно которому проходили многие последующие дворянские собрания во всех белорусских губерниях, созданных в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой [1, с. 52–54]. По этому документу на должность предводителя дворянства имели право баллотироваться действующий губернский предводитель и новоизбранные уездные предводители дворянства. Если победу одерживал не действующий губернский предводитель, а кто-либо из уездных предводителей, то он и занимал место губернского предводителя. Освободившееся таким образом место уездного предводителя занимал тот из дворян, у которого при выборах на должность уездного предводителя был второй результат. Итак, это было не прямое многоступенчатое голосование. Замещение должности губернского предводителя имело дополнительное ограничение – ценз избрания на должность губернского или уездного предводителя.

По представлению белорусского генерал-губернатора П. Б. Пассека, 16 марта 1784 г. указом Сената активное и пассивное избирательное право было предоставлено дворянам белорусских губерний, не имевшим собственных деревень, а владевшим только пожалованными им староствами. Единственным условием было, чтобы их временное владение этими староствами не закончилось ранее трехлетнего срока после проведения выборов. Дворяне, владевшие деревнями по закладному или арендному праву, к выборам не допускались [25]. Пассек констатировал, что в Могилевской и Полоцкой губерниях на прошедших в 1784 г. дворянских собраниях не было четкого следования условиям участия таких дворян в выборах. На выборы допускались, наперекор закону, дворяне, владевшие пожалованными им староствами, а также именными по закладному или арендному праву, не присягнувшие на верность императрице. Данная ситуация стала причиной выхода специального указа, разъясняющего избирательные критерии для дворянства белорусских губерний.

Формирование дворянской корпоративной организации в Российской империи завершилось 21 апреля 1785 г. выходом «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» [26]. «Жалованная грамота дворянству» вместе с «Жалованной грамотой городам» стали заключительным этапом судебно-административной областной реформы Екатерины II. Организационная структура дворянского самоуправления была раскрыта во второй части грамоты (ст. 37–71 «О собрании дворян, установлении общества дворянского в губернии и о выгодах дворянского общества»). Статьи 62–65 содержали условия предоставления дворянству активного и пассивного избирательного права. Активным избирательным правом обладал дворянин, владевший деревней, достигший 25 лет, служивший на государственной гражданской или военной службе и дослужившийся до первого чина (XIV класс по «Табели о рангах»). Пассивным избирательным правом обладал дворянин, получавший минимум 100 руб. годового дохода со своих деревень, достигший 25 лет, служивший на государственной гражданской или военной службе и дослужившийся до первого чина.

Дворянскому собранию предоставлялось право исключать из своих рядов дворянина, поступки которого были подвергнуты судебному разбирательству или были известны дворянской общественности, но не стали предметом судебного рассмотрения. Оправдательный приговор суда был основанием вернуть дворянину избирательные права. Следовательно, вводился ценз криминальности.

Базовым критерием участия дворянства в выборах являлось их занесение в губернскую дворянскую родословную книгу. Те из дворян, которые не предоставили дворянскому депутатскому собранию доказательств своей принадлежности к высшему сословию, лишались всех личных и общественных прав, предоставленных «Жалованной грамотой», и не признавались потомственными дворянами. Это было законодательное закрепление базового сословного избирательного ограничения. Если же дворянин официально был признан членом губернского дворянского общества, но не соответствовал другим вышеперечисленным избирательным критериям, он имел право только присутствовать на дворянских собраниях.

Таким образом, была выработана четкая система условий предоставления избирательных прав, включавшая сословный, возрастной, имущественный, служебный, репутационный и криминальный цензы. Важным нововведением для российского избирательного законодательства стал служебный ценз, который должен был обеспечить избрание на должности дворян, имевших опыт государственной службы.

Указом от 18 декабря 1785 г. пояснялось, что ст. 64 «Жалованной грамоты дворянству» обратного действия не имеет: «Статья 64, как и всякий закон, имеет свою силу на будущие времена после его издания». Следовательно, дворянам, пусть и не имевшим никакого чина, но уже состоящим на выборных должностях или прежде их занимавшим, «и впредь долженствует пользоваться тем преимуществом, что в собраниях дворянских с заслуженными сидеть, иметь голос и во все должности, которые наполняются выбором собрания дворянства, избираемы быть могут» [27]. Причиной издания указа послужило то, что многие дворяне, ранее служившие по выборам, не имели чи-

на, т. к. его наличие не было обязательным для баллотирования на должности. Что касается дворян белорусского края, имевших польские чины, то им также были предоставлены избирательные права [28, с. 341].

9 ноября 1792 г. был издан указ «О дворянских выборах в Белоруссии», согласно которому белорусскому генерал-губернатору П. Б. Пассеку объявлялось, что право избирать и быть избранными на дворянских собраниях запрещалось дворянам, не служившим на российской государственной службе или не достигшим на ней первого обер-офицерского чина [29]. Это касалось и тех дворян, которые после издания «Жалованной грамоты дворянству» получили иностранные ордена или придворные, военные, земские чины. Избирательное право было предоставлено только тем белорусским дворянам, которые получили иностранные земские чины до издания «Жалованной грамоты». Однако из этих последних лишались избирательных прав дворяне, принявшие участие в работе четырехлетнего сейма, на котором была принята Конституция 3 мая 1791 г.

Данный указ свидетельствует о двух фактах. Во-первых, несмотря на наличие с 1785 г. служебного ценза, в Могилевской и Полоцкой губерниях избирательные права получали дворяне, не имевшие обер-офицерских чинов. Так, на дворянских выборах 1789 г. в Могилевской и Полоцкой губерниях соответственно 33,3 и 59 % избранных на должности дворян не имели чинов (польских или российских) [30, с. 159–164, 197–201; 31, л. 3–347; 32, л. 2–19]. Во-вторых, ограничение в избирательных правах местного дворянства впервые стало явно политически мотивированным. По мере роста сопротивления шляхты Речи Посполитой иностранному вмешательству и усилению действий, направленных на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г., царское правительство ужесточило контроль над составом местных дворянских обществ. Таким образом, указом было установлено дополнительное репутационное ограничение для белорусской шляхты – потенциальных участников дворянских выборов.

12 января 1793 г. состоялся второй раздел Речи Посполитой. Из новоприсоединенных белорусских территорий учреждалась Минская губерния. 22 марта 1795 г.

в Государственном совете был рассмотрен доклад Минского, Изяславского и Брацлавского генерал-губернатора Т. И. Тутолмина о положении дворян, мещан и крестьян в подведомственных ему губерниях. Советом было принято решение о распространении на указанные губернии избирательных правил, содержащихся в стст. 62–64 «Жалованной грамоты дворянству». Следовательно, избирательные права предоставлялись исключительно дворянам, удовлетворявших общероссийским возрастному, имущественному и служебному цензам. Однако для тамошнего дворянства, как ранее для дворянства Могилевской и Полоцкой губерний, было сделано временное исключение из избирательных правил в виде послабления служебного ценза. Активное и пассивное избирательное право было предоставлено дворянам, не имевшим русских чинов, но обладавшим польскими чинами, соответствовавшими российским обер-офицерским чинам [33, с. 356–358]. В дальнейшем, указом от 3 мая 1795 г. были закреплены соответствующие решения Государственного совета. Отмечалось, что выборы следует проводить в соответствии с «Жалованной грамотой дворянству» [34]. Избирательные права запрещалось предоставлять временным держателям земель (посессорам). Подчеркивалось, что избирательные права предоставлялись только тем дворянам, которые присягнули на верность императрице.

14 декабря 1795 г. произошел третий раздел Речи Посполитой. Новые территории вошли в состав Литовского генерал-губернаторства, где был создан временный орган управления – Верховное правление Литвы. Оно просуществовало с 1794 по 1796 г. и носило полувоенный характер, что было вызвано сложной обстановкой в крае.

28 января 1795 г. литовский генерал-губернатор Н. В. Репнин издал инструкцию о правилах проведения дворянских выборов и деятельности избранных судей. Принимать участие в уездном собрании могли дворяне, не участвовавшие в восстании 1794 г. и работе четырехлетнего сейма, принесшие присягу на верность императрице. Препятствовало замещению выборных должностей наличие должности в аппарате управления, нахождение под судом, проживание за пределами уезда. Разрешалось заочное участие в выборах. В случае избрания

на должность дворянин не имел права от нее отказаться, т. е. выборная служба носила обязательный характер [28, с. 57–58; 35, с. 106–108]. Исходя из итогов выборов, в судебные учреждения были избраны лица, работавшие в повстанческих органах власти. Вероятно, дворянам – бывшим повстанцам, завоевавшим доверие российской власти, был открыт доступ к выборным должностям [35, с. 108]. Тогда речь шла о выборах в традиционные для ВКЛ судебные учреждения – гродские и земские суды, а также об избрании дворянских депутатов и комиссаров порядка [35, с. 105, 110]. Таким образом, в условиях функционирования переходной системы местной власти главным критерием привлечения на службу местной шляхты посредством выборов стала ее лояльность самодержавию. Другие избирательные ограничения в расчет пока не принимались.

По мере организации в Литовском генерал-губернаторстве системы местных учреждений по общероссийскому образцу вводились и соответствующие цензовые ограничения. В связи с приближавшимся открытием двух новых губерний (Виленской и Слонимской) 13 ноября 1796 г. Н. В. Репнин издал универсал, по которому созывались дворянские собрания в губернских городах Вильно и Слоним соответственно 1 и 31 декабря 1796 г. Принимать участие в дворянских собраниях разрешалось дворянам, владевшим имением, приносящим минимум 100 руб. годового дохода. Присутствие на собрании было обязательным, больные были обязаны присылать медицинские справки о состоянии своего здоровья.

Единственным требованием для участия в дворянских выборах в Виленской и Слонимской губерниях, по мнению польского историка Л. Жидковича, было соответствие общероссийскому подходящему цензу [35, с. 183]. Однако в связи с тем, что дворянские выборы в этих губерниях так и не состоялись в установленные сроки из-за смерти императрицы Екатерины II, сложно сказать, какие избирательные ограничения следовало применять к местному дворянству. Можно допустить, что две западнобелорусские губернии в избирательном законодательстве были сравнены с другими белорусскими губерниями.

Изменения в системе цензовых ограничений активного и пассивного избирательного права дворянства белорусских губерний в 1797–1801 гг.

При Павле I дворянская корпоративная организация и ее роль в формировании судебно-административных учреждений были существенно изменены. Для Беларуси эти изменения заключались главным образом в возвращении к традиционным российским образцам организации и функционирования местных шляхетских обществ, а также связанных с ними судебных органов. 6 февраля 1797 г. вышел указ, по которому в Малороссийской, Киевской, Подольской, Волынской, Минской и Белорусской губерниях вместо предводителей дворянства следовало избирать маршалов и хорунжих «на основании тамошних прав и установлений» [36]. Подобное правило распространялось и на Литовскую губернию.

Губерниями, в которых на начало правления Павла I не была полностью запущена российская система местного управления образца 1775–1785 гг., были так и не объявленные Виленская и Слонимская. Следовательно, они были наименее интегрированы в российскую общественно-политическую систему. Политика Павла I еще больше закрепила данную дезинтеграцию западных губерний от внутрирусских. Это подтверждает письмо Виленского гражданского губернатора Д. С. Ланского министру внутренних дел В. П. Кочубею от 30 декабря 1803 г., где сказано, что «Виленская и Гродненская губернии по единоплеменству жителей, по единству языка и веры более прочих устраниются от сближения с Россией; в губерниях Белорусских, особливо в Витебской, нравы начинают, изменяться, почему и можно надеяться, что оные и вовсе обрусуют» [37, с. 231].

12 декабря 1796 г. было объявлено о намерении соединить Виленскую и Слонимскую губернии в одну Литовскую губернию с губернским городом Вильно, что и было сделано 12 июля 1797 г. В апреле 1797 г. Литовский генерал-губернатор Я. И. Булгаков выдал универсал о созыве дворянских избирательных собраний на 1 мая 1797 г. Единственный указанный критерий допуска на выборы – владение недвижимой собственностью [35, с. 384].

В указе от 14 октября 1799 г. снова было отмечено, что дворянские выборы в западных губерниях должны быть организованы в соответствии с «тамошними правами и обрядами» [38]. Следовательно, власть санкционировала отмену всех ранее выработанных российским законодательством цензовых ограничений и возвращение к избирательной системе времен ВКЛ.

Законодательство ВКЛ содержало несколько видов избирательных цензов для получения активного избирательного права:

1) ценз оседлости (в поветовом сеймике и выборах местных урядников участвовали только шляхтичи, живущие в данном повете);

2) имущественный ценз (владение имением в пределах повета);

3) возрастной ценз (совершеннолетие в ВКЛ наступало для мужчин с 18 лет);

4) гендерный (в работе шляхетских собраний женщинам участвовать было запрещено).

Для получения пассивного избирательного права в ВКЛ применяли:

1) репутационный ценз (занимать выборные должности следовало «людям добродетельным»);

2) профессиональный ценз (должности поветовых судей, подсудков и писарей должны занимать люди, знающие местное право);

3) религиозный ценз (только лица, исповедующие христианство, могут занимать должности);

4) ценз несовместимости (лицо, уже занимающее должность в поветовом управлении, не может быть избрано на другую должность; запрет духовенству поступать на светские должности);

5) языковой ценз (только лица, владевшие старобелорусским языком, могли занимать должности в судебных учреждениях) [39, с. 497–499].

По сравнению с избирательными ограничениями Екатерины II перечисленные условия были мягче, особенно для получения активного избирательного права, т. к. до 1791 г. имущественный ценз не был четко выражен (размер имения, сумма выплачиваемых с собственности налогов, количество крепостных крестьян).

24 марта 1791 г. был принят «Закон о сеймиках», согласно которому правом го-

лоса обладали шляхтичи-землевладельцы, платившие налог в казну, вместе с проживавшими с ними совершеннолетними сыновьями (от 18 лет) и их братьями; залогодержатели, державшие заставные поместья и платившие не менее 100 злотых церковной десятины; шляхта, имевшая землю в пожизненном владении, также платившая десятину; служащие в армии землевладельцы. В праве голоса было отказано всем, кто не соответствовал этим критериям, а также шляхте, имевшей договорное или наследственное право пользования чужой частной землей, т. е. тем, кто платил чинш или выполнял другие повинности за предоставленный надел, шляхте, державшей землю в майоратах, несовершеннолетним и имевшим судимости [40, с. 60–62].

Несмотря на толерантное отношение Павла I к потенциальному составу избирателей и избираемых на дворянских собраниях Белоруссии, некоторые дополнительные ограничения избирательных прав все-таки последовали. С 1797 г. дворянам, исключенным из военной службы, было запрещено предоставлять активное и пассивное избирательное право [41; 42]. В данном случае речь идет о репутационном цензе, т. к. в глазах Павла I, ревностно относившегося к военной службе и дисциплине, лицо, нарушившее военный устав, не заслуживает заниматься государственной службой. 9 августа 1800 г. был издан указ, по которому дворянам, уволенным с военной службы после воцарения Павла I (6 ноября 1796 г.) по 1 мая 1800 г., не следовало предоставлять пассивного избирательного права без разрешения императора [43]. Судя по всему, данные правила распространялись и на дворянство белорусских губерний, поскольку никаких оговорок касательно «губерний, на особых правах состоящих», не было.

Либеральная политика Павла I по предоставлению избирательных прав дворянству западных губерний подтверждается сенатским указом от 19 марта 1798 г. и именным указом от 19 марта 1800 г. По первому указу избирательные права предоставлялись дворянам, которые до выхода указа участвовали в выборах и служили на выборных должностях, имели штаб- и обер-офицерские чины, получив их на действительной службе и место жительства (дома без земель и крестьян) в пределах уезда, по

которому баллотируються [44]. Согласно второму указу в присоединенных губерниях к дворянским выборам следовало допускать всех дворян, в т. ч. безземельную шляхту [45]. Это стало причиной роста беспорядков на дворянских собраниях, что было свойственно поветовым сеймикам ВКЛ.

Заключение

Таким образом, в период правления Екатерины II была постепенно выработана система неперемных условий предоставления дворянству активного и пассивного избирательного права в виде цензов: сословного, возрастного, гендерного, служебного, имущественного, несовместимости, репутационного, оседлости, занятия определенной должности и криминального.

Эти ограничения с учетом их специфики были применены в белорусских губерниях. В результате там начала действовать особая система избирательных барьеров. Она выражалась, с одной стороны, во временном послаблении избирательных ограничений, с другой – в их ужесточении. Послабления касались служебного и иму-

щественного цензов, ужесточения – репутационного ценза.

Ужесточения избирательных барьеров были политически мотивированными. По мере роста сопротивляемости шляхты Речи Посполитой иностранному вмешательству и усилению действий, направленных на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г., царское правительство ужесточало контроль над составом местных дворянских обществ. Выстроенная система избирательных ограничений должна была носить временный характер и упраздняться по мере планомерной интеграции белорусского края в российскую общественно-политическую и социально-экономическую системы. Павел I прервал политику Екатерины II по постепенному и планомерному уравниванию условий предоставления избирательных прав дворянам белорусских губерний с условиями, действовавшими в других губерниях империи.

Восстановив в белорусских губерниях элементы избирательной системы времен ВКЛ, Павел I «содействовал» еще большему обособлению этого региона от внутрирусских губерний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анішчанка, Я. К. Дваранскія выбары ў Полацкім намесніцтве 1789 г. / Я. К. Анішчанка // Вес. Акад. навук Беларусі. Сер. грамад. навук. – 1992. – № 3–4. – С. 49–56.
2. Анищенко, Е. К. В когтях двуглавого орла. Беларусь во времена Екатерины II (1772–1796 гг.) / Е. К. Анищенко. – Минск : В. Хрустик, 2016. – 442 с.
3. Токць, С. М. Шляхетскае самакіраванне ў Гродзенскай губерні (пачатак XIX ст. – 60-я гг. XIX ст.) / С. М. Токць // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1997. – № 1 (7). – S. 5–22.
4. Токць, С. М. Мясцовая шляхта і дзяржаўная адміністрацыя Расійскай імперыі ў Гродзенскай губерні: лаяльнасць і супраціў / С. М. Токць. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2019. – 384 с.
5. Луговцова, С. Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. Л. Луговцова. – Минск, 1997. – 130 л.
6. Луговцова, С. Л. Реализация законодательства о дворянских выборах в белорусских губерниях Российской империи (первая треть XIX в.) / С. Л. Луговцова // Гуманітар.-экан. весн. – 2018. – № 1–2 (73–74). – С. 60–66.
7. Шило, Е. В. Правительственная регламентация дворянских собраний в западных губерниях Российской империи (последняя четверть XVIII в. – 1831 г.) / Е. В. Шило // Пр. гіст. фак. БДУ : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2014. – Вып. 9. – С. 206–213.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 17, № 12801. – С. 1092–1110.
9. Новикова, Н. А. Применение морально-нравственного ценза в избирательном праве Российской империи конца XVIII – первой половины XIX в. / Н. А. Новикова // История гос-ва и права. – 2006. – № 7. – С. 18–19.
10. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 19, № 13938. – С. 701.

11. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 19, № 13977. – С. 755–758.
12. Жукович, П. Н. Сословный состав Западной России в царствование Екатерины / П. Н. Жукович // Журн. м-ва нар. просвещения. – 1915. – № 1. – С. 76–109; № 2 – С. 257–321; № 5. – С. 130–178.
13. Sikorska-Kulesza, J. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku / J. Sikorska-Kulesza. – Pruszków : AJAKS, 1995. – 124 s.
14. Иловайский, Д. И. Сочинения / Д. И. Иловайский. – М. : Изд. книгопродавца А. Л. Васильева, 1884. – 576 с.
15. Миронов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. – Т. 2. – 912 с.
16. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 21, № 15280. – С. 308–309.
17. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 20, № 14397. – С. 309.
18. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 19, № 13662. – С. 315–316.
19. Крючков, В. В. «Столько полицмейстеров, сколько помещиков в государстве»: провинциальное дворянство на страже правопорядка во второй половине XVIII столетия / В. В. Крючков // Вестн. Тюм. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2017. – № 2 (9). – С. 4–7.
20. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 20, № 14392. – С. 229–304.
21. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 20, № 14816. – С. 760–763.
22. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 22, № 16331. – С. 535–536.
23. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1777. – СПб. : Императ. акад. наук, 1777. – 364 с.
24. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 25, № 18485. – С. 212–213.
25. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 22, № 15961. – С. 80–82.
26. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 22, № 16187. – С. 344–358.
27. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 22, № 16297. – С. 499–500.
28. Жукович, П. Н. Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журн. м-ва нар. просвещения. – 1914. – № 2. – С. 265–315; № 3. – С. 88–120; № 4. – С. 314–315; № 5 – С. 130–178.
29. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 23, № 17079. – С. 368–369.
30. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1790. – СПб. : Императ. акад. наук, 1790. – 386 с.
31. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2567. Оп. 1. Д. 202.
32. НИАБ. – Ф. 2567. Оп. 1. Д. 203.
33. Архив Государственного совета : в 5 т. – СПб., 1869–1904. – Т. 1 : Совет в царствование императрицы Екатерины II. 1768–1796 гг. – 980 с.
34. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 23, № 17327. – С. 694–695.
35. Żytkowicz, L. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794–1797. / L. Żytkowicz. – Wilno : T-wo Przyjaciół Nauk w Wilnie, 1938. – 464 s.
36. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 24, № 17790. – С. 319.
37. Дубровин, Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Н. Ф. Дубровин // Рус. старина. – 1902. – № 2. – С. 229–255.
38. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 25, № 19154. – С. 812.
39. Вялікае княства Літоўскае : ВКЛ : энцыклапедыя : Т. 3. Дадатак / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2010. – 696 с.
40. Бовуа, Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Д. Бовуа. – М. : Новое лит. обозрение, 2011. – 1008 с.
41. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 24, № 18245. – С. 800.
42. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 25, № 18321. – С. 28.
43. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 26, № 19 08. – С. 255.
44. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 29, № 22540а. – С. 1201–1208.
45. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 27, № 20288. – С. 159.

REFERENCES

1. Anishchanka, Ya. K. Dvaranskija vybary u Polackim namiesnictvie 1789 h. / Ya. K. Anishchanka // Vies. Akad. navuk Bielarusi. Sier. hramad. navuk. – 1992. – № 3–4. – S. 49–56.
2. Anishchienko, Ye. K. V kogtiakh dvuglavogo oral. Bielarus' vo vriemiena Yekatieriny II (1772–1796 gg.) / Ye. K. Anishchienko. – Minsk : V. Khursik, 2016. – 442 s.
3. Tokc', S. M. Shliakhieckaje samakiravannie u Hrodzienskaj hubierni (pachatak XIX – 60-ja hh. XIX st.) / S. M. Tokc' // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1997. – № 1 (7). – S. 5–22.
4. Tokc', S. M. Miascovaja shliakhta i dziarzhaunaja administracyja Rasijskaj impieryi u Hrodzienskaj hubierni: lajal'nasc' i supraciu / S. M. Tokc'. – Hrodna : JurSaPrynt, 2019. – 384 s.
5. Lugovcova, S. L. Politika rossijskogo samodierzavija po otnosheniju k dvorianstvu Bielarusi v konce XVIII – piervoj polovinie XIX v. : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / S. L. Lugovcova. – Minsk, 1997. – 130 l.
6. Lugovcova, S. L. Riealizacija zakonodatiel'stva o dvorianskikh vyborakh v bieloruskikh gubernijakh Rossijskoj impierii (piervaja triet' XIX v.) / S. L. Lugovcova // Humanitar.-ekan. viesn. – 2018. – № 1–2 (73–74). – S. 60–66.
7. Shilo, Ye. V. Pravitiel'stviennaja rieglamientacija dvorianskikh sobranij v zapadnykh gubernijakh Rossijskoj impierii (poslednija chietviet' XIX v. –1831 g.) / Ye. V. Shilo // Pr. hist. fak. BDU : navuk. sb. ; redkal.: U. K. Korshuk (adk. red.) [i insh.]. – Minsk, 2014. Vyp. 9. – S. 206–213.
8. Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj impierii (PSZRI). Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 17. – № 12801. – S. 1092–1110.
9. Novikova, N. A. Primienienije moral'no-nravstviennogo cenza v izbiratiel'nom pravie Rossijskoj impierii konca XVIII – piervoj poloviny XIX v. / N. A. Novikova // Istorija gos-va i prava. – 2006. – № 7. – S. 18–19.
10. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 13938. – S. 701.
11. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 13977. – S. 755–758.
12. Zhukovich, P. N. Soslovnyj sostav Zapadnoj Rossii v carstvovanije Yekatieriny II / P. N. Zhukovich // Zhurn. m-va nar. prosvieshchienija. – 1915. – № 1. – S. 76–109; № 2. – S. 257–321; № 5. – S. 130–178.
13. Sikorska-Kulesza, J. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku / J. Sikorska-Kulesza. – Pruszków : AJAKS, 1995. – 124 s.
14. Ilovajskij, D. I. Sochinienija / D. I. Ilovajskij. – M. : Izd. knigoprodavca A. L. Vasil'jeva, 1884. – 576 s.
15. Mironov, B. N. Rossijskaja impierija: ot tradicii k modernu : v 3 t. / B. N. Mironov. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 2015. – T. 2. – 912 s.
16. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 15280. – S. 308–309.
17. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 14397. – S. 309.
18. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 13662. – S. 315–316.
19. Kriuchkov, V. V. «Stol'ko policiejstierov, skol'ko pomieschchikov v gosudarstvie»: provincial'noje dvorianstvo na strazhe pravoporiadka vo vtoroj polovinie XVIII stolietija / V. V. Kriuchkov // Viestn. Tium. in-ta povyshenija kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. – 2017. – № 2 (9). – S. 4–7.
20. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 14392. – S. 229–304.
21. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 14816. – S. 760–763.
22. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 16331. – S. 535–536.
23. Miesiaceslov s rospis'ju chinovnykh osob v gosudarstvie na lieto ot Rozhdiestva Khristova 1777. – SPb. : Impierat. Akad. nauk, 1777. – 364 s.
24. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 18485. – S. 212–213.
25. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 15961. – S. 80–82.
26. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 16187. – S. 344–358.
27. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 16297. – S. 499–500.
28. Zhukovich, P. N. Upravlienije i sud v Zapadnoj Rossii v carstvovanije Yekatieriny II / P. N. Zhukovich // Zhurn. m-va nar. prosvieshchienija. – 1914. – № 2. – S. 265–315; № 3. – S. 88–120; № 4. – S. 314–315; № 5. – S. 130–178.
29. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 17079. – S. 368–369.

30. Miesiaceslov s rospis'ju chinovnykh osob v gosudarstvie na lieto ot Rozhdiestva Khristova 1790. – SPb. : Impierat. Akad. nauk, 1790. – 386 s.
31. Nacional'nyj istorichieskij arkhiv Bielarusi (NIAB). – F. 2567. Op. 1. D. 202.
32. NIAB. – F. 2567. Op. 1. D. 203.
33. Arkhiv Gosudarstviennogo sovieta : v 5 t. – SPb., 1869–1904. – T. 1 : Soviet v carstvovanije Yekatieriny II. 1768–1796 gg. – 980 s.
34. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 17327. – S. 694–695.
35. Żytkowicz, L. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794–1797. / L. Żytkowicz. – Wilno : T-wo Przyjaciół Nauk w Wilnie, 1938. – 464 s.
36. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 17790. – S. 319.
37. Dubrovin, N. F. Russkaja zhizn' v nachalie XIX vieka / N. F. Dubrovin // Rus. starina. – 1902. – № 2. – S. 229–255.
38. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 19154. – S. 812.
39. Vialikaje kniastva Litouskaje : VKL : encykłapiedyja : T. 3. Dadatak / redkal.: T. V. Bialova (hal. red.) [i insh.]. – Minsk : Bielarus. Encykl., 2010. – 696 s.
40. Bovua, D. Gordijev uziel Rossijskoj impierii. Vlast', shliakhta i narod na Pravobieriezhnoj Ukraine (1793–1914) / D. Bovua. – M. : Novoje lit. obozrienije, 2011. – 1008 s.
41. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 18245. – S. 800.
42. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 18321. – S. 28.
43. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 19508. – S. 255.
44. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 22540a. – S. 1201–1208.
45. PSZRI. Sobranije 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 19, № 20288. – S. 159.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 25.01.2023